

«Провокационные действия» и «террористические намерения». К вопросу о начале «китайской операции» НКВД (1937-1938)*.

Аннотация: Возможность войны с Японией рассматривалась руководством Советского Союза как одна из важнейших угроз безопасности страны. Предотвращение подобной угрозы стало предлогом для проведения массовой операции против китайцев на Дальнем Востоке СССР. А вскоре «китайская операция» была развернута по всей стране.

В 1937 году на фоне развертывания Японией масштабных военных действий во внутреннем Китае руководство Советского Союза пошло на сближение с правительством Чан Кайши, взяв курс на оказание помощи Китайской Республике. 21 августа был подписан советско-китайский договор о ненападении, СССР выделял Китайской Республике кредиты для обеспечения поставок вооружения и военной техники, направлял группы добровольцев и советников¹.

Однако наличие общего врага и взаимное сближение двух стран не защитило проживающих в Советском Союзе китайцев от включения в список «инонациональностей», затронутых массовыми операциями «большого террора» 1937-38 гг. Истоки «китайской операции» НКВД, развернувшейся в масштабах СССР в 1938 году, прослеживаются в репрессивной кампании против китайцев в Дальневосточном крае, начатой в конце декабря 1937 г. в соответствии с директивами наркома внутренних дел Ежова. Но, несмотря на то, что текст этих директив был опубликован более десяти лет назад, контекст их появления, а, следовательно, и повод для начала кампании, оставался не вполне ясен.

Целью данной статьи является восполнение этого пробела, т.е. уточнение обстоятельств и мотивов начала массовых репрессий в отношении китайцев в Дальневосточном крае в конце 1937 г., что в свою очередь позволяет более подробно проследить механизм инициирования и развертывания операции в отношении китайской диаспоры по всему Советскому Союзу.

Декабрьские директивы наркома

«Большой террор» 1937-38 гг. – пик репрессивной политики в СССР, проводимой под прямым контролем высшего партийного руководства и лично Сталина², был неотрывно связан с установкой последнего на неизбежность войны между Советским Союзом и окружающими его капиталистическими странами. Причем основную угрозу безопасности СССР

* Статья с искаженным названием и макетом, без включения правок была опубликована в: Вопросы Истории. 2018. № 12. С. 66-87.

Сталин видел в высокой вероятности войны на два фронта – с Японией на Востоке и с одной из европейских стран или их коалицией на Западе³.

В контексте этих ожиданий и напряженных международных отношений новый широкомасштабный виток репрессий, воплотившийся в операциях по «антисоветским элементам», по «национальным контрреволюционным контингентам», а также в массовых депортациях, был направлен на осуществление единой цели – искоренение любого подобия «пятой колонны», т.е. реальных, потенциальных и мнимых противников советской власти, способных, по мнению Сталина и его окружения, в случае войны сплотиться с внешним врагом⁴. На практике это вылилось в необоснованные репрессии против значительного количества коренного населения СССР, а также выходцев из других стран.

Основной удар операции против «антисоветских элементов», осуществлявшейся по приказу НКВД № 00447, утвержденному Политбюро 31 июля 1937 г., был направлен против тех, кто традиционно рассматривался в качестве врагов советской власти: бывших «кулаков», членов различных политических партий (эсеров, грузинских меньшевиков, дашнаков и т.д.), участников гражданской войны на стороне белых, представителей дореволюционного чиновничества и бывших жандармов, духовенства и активистов сектантских религиозных групп, а также уголовников и других контингентов, вызывающих подозрение у руководства страны в своей благонадежности. В дальнейшем количество этих категорий также значительно расширялось⁵.

Перед органами НКВД была поставлена прямая задача: «беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства»⁶.

Репрессируемые в ходе следствия делились на две категории: «наиболее враждебные» лица относились к первой категории и подлежали расстрелу; «менее активные, но все же враждебные» причислялись ко второй категории и подлежали заключению в лагеря или тюрьмы на срок от 8 до 10 лет. Приговоры рассматривались и утверждались «тройками», в состав которых, как правило, входили начальник регионального НКВД, секретарь партийной организации и прокурор.

Для каждого региона устанавливались ориентировочные количественные показатели на обе категории. Хотя в приказе оговаривалась возможность их снижения, на практике эти «лимиты» в основном лишь значительно увеличивались. Делалось это по запросам с мест, не без поддержки центрального руководства⁷.

Операции по «национальным контрреволюционным контингентам» были направлены против представителей «инонациональностей», а также «харбинцев» – прежде всего бывших служащих Китайско-восточной железной дороги, вернувшихся в СССР после ее продажи Японии,

реэмигрантов и членов их семей. Под удар попали все те, в ком руководство СССР было склонно видеть так называемую «базу» иностранного шпионажа и диверсионной деятельности.

25 июля 1937 г., за несколько дней до приказа по «антисоветским элементам», появился приказ НКВД № 00439, предусматривающий аресты всех «германских подданных, работающих на военных заводах и заводах, имеющих оборонные цеха, железнодорожном транспорте, а также уволенных с этих заводов»⁸. Следствие должно было тщательно выяснять связи арестованных, и выявляемые таким образом шпионы, диверсанты и террористы «как из числа советских граждан, так и подданных других государств», сразу же арестовывались. После следствия дела направлялись на рассмотрение Военной Коллегии или Особого совещания НКВД. Параллельно предусматривалось проведение учета «всех германских подданных, работающих на всех других промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве и советских учреждениях, а также бывших германских подданных, принявших советское гражданство и работавших ранее на военных заводах и оборонных цехах других промышленных предприятий»⁹.

Однако образцом для «национальных» операций стал приказ № 00485, направленный против «польской разведки» и на ликвидацию якобы активно действующей на территории СССР Польской организации войсковой (ПОВ). 9 августа Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило этот приказ, и 11 августа 1937 г. он был подписан наркомом НКВД. Одновременно было впущено и специальное закрытое письмо, разъясняющее и обосновывающее приказ¹⁰.

Несмотря на то, что формально приказ № 00485 был направлен против диверсионно-шпионских и повстанческих кадров, фактически под его удар ставились почти все находящиеся в Советском Союзе поляки, а также лица, как-то связанные с поляками или с Польшей¹¹.

После преамбулы, в которой описывались невероятные успехи польской разведки в СССР, в приказе обозначались сроки его выполнения, перечислялись подлежащие аресту многочисленные контингенты, ход операции (в первую очередь арестовывались работающие в органах НКВД и в Красной армии, на предприятиях оборонного значения, на транспорте и в других стратегически важных областях, во вторую очередь - сотрудники предприятий, не носящих оборонного значения, работники совхозов, колхозов и других учреждений).

Арестованные также как и в ходе операции по «антисоветским элементам», разбивались на две категории (первая – подлежащая расстрелу, вторая – заключению сроком от 5 до 10 лет), но лимиты не предусматривались. В «польском» приказе впервые вводился новый процессуальный порядок осуждения, получивший название «альбомного»¹². По окончании следствия краткие справки по арестованным с предложением меры наказания сшивались в «альбомы» и высылались в Москву. После утверждения их «двойкой» - комиссией наркома внутренних дел и прокурора

СССР (Ежова и Вышинского) или их заместителями, «альбомы» возвращались на места для исполнения приговоров¹³.

Особая роль отводилась следственной работе в направлении вскрытия шпионских сетей. Все проходящие по показаниям арестованных шпионов, вредителей и диверсантов, также должны были быть немедленно арестованы и допрошены.

Именно «польский» приказ «лег в основу всех остальных приказов, меморандумов и почтовых телеграмм о репрессировании иностранных подданных и советских граждан иностранного происхождения»¹⁴. 17 августа действие приказа № 00485 было распространено на румын, находящихся на территории Украины (прежде всего в Молдавской АССР)¹⁵; 20 сентября 1937 года появился «харбинский» приказ № 00593; 30 ноября была разослана шифротелеграмма № 49990 о начале операции против латышей; 11 декабря была объявлено о начале «греческой» операции, и т.д. «Везде следовало исходить из наличия разветвленной шпионско-диверсионной и повстанческой сети соответствующего государства, везде фигурировали сходные контингенты, подлежащие аресту (среди них обязательно — политэмигранты и перебежчики), везде применялся «альбомный порядок» осуждения (иногда в директивах его даже подробно не описывали, а лишь указывали, что осуждение следует производить «в порядке приказа 00485»)»¹⁶.

Распоряжение о начале «китайской операции» в рамках операций НКВД по «национальным контингентам» было отдано Ежовым 1 февраля 1938 года. В подписанной в этот день шифротелеграмме № 233 приказывалось наряду с продолжением операций по полякам, харбинцам, латышам, грекам и иранцам «одновременно начать аналогичную операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из финнов, эстонцев, румын, китайцев, болгар, македонцев» (отдельно упоминалось о состоящих в советском гражданстве немцах)¹⁷.

Однако в Дальневосточном крае – регионе СССР, где проживало больше всего китайцев¹⁸, в это время уже предпринимались самые активные действия против китайских «диверсантов», «шпионов» и преступных элементов из среды посетителей и держателей нелегальных притонов. Соответствующие распоряжения были направлены наркомом внутренних дел в местное управление НКВД 22 и 23 декабря 1937 г.

В широкий научный оборот данные директивы были введены после их публикации в сборнике «Сталинские депортации. 1928-1953»¹⁹. В сборнике были напечатаны четыре распоряжения Ежова, имеющие отношение к репрессиям против китайцев в Дальневосточном крае. Первые два – упомянутые директивы об арестах китайцев; последние два касались вопроса выселения китайцев из края в июне-июле 1938 г.

Приведем здесь первые две директивы:

«Шифротелеграмма

Исх. № 52691
22 декабря 1937г.

Сов[ершенно] секретно
Снятие копий воспрещается

Хабаровск НКВД Люшкову

Всех китайцев, независимо от их подданства, проявляющих провокационные действия или террористические намерения, немедленно арестовывайте.

Ежов»²⁰

«Шифротелеграмма

Исх. № 52696
23 декабря 1937г.

Сов[ершенно] секретно
Снятие копий воспрещается

Откуда:

Куда и кому: Хабаровск УНКВД Каган

62796, 11569. Одновременной* [сноска: Слово «Одновременной» вписано сверху от руки взамен зачеркнутого «Внезапной»] операцией ликвидируйте [в] крае все притоны, китайские и другие.

Произведите тщательные обыски. Притоносодержателей и всех задержанных в них посетителей арестуйте. Проведите следствие.

Дела совграждан, изобличенных [в] антисоветской, шпионской, контрабандистской деятельности, и активных уголовников рассмотрите [на] тройке и репрессируйте соответственно виновности [по] первой и второй категориям. Дела иноподанных этой группы передайте [на] рассмотрение [в] суд [для] последующего выдворения за пределы СССР. Дела всех остальных арестованных рассмотрите судебным порядком, [с] запрещением проживать ДВК, Читинской, Иркутской областях.

Результаты операции, вскрытые дела донесите.

Ежов»²¹

Поскольку какая-либо дополнительная информации о принятии этих решений отсутствовала, составители сборника смогли прокомментировать их лишь в самом общем виде. Этими директивами было обозначено начало процесса репрессий против китайцев в Дальневосточном крае, при которых аресты и расстрелы сопровождались депортациями²².

Данные документы вызвали большой интерес у исследователей эпохи советских репрессий и цитировались в многочисленных исторических работах²³. Однако их содержание вызвало большое количество вопросов. В частности, из текста самих шифротелеграмм было невозможно понять, о каких «провокационных действиях» китайцев шла речь, против кого могли быть направлены их «террористические намерения» и как это было связано,

если было, с ликвидацией притонов. То есть, как было отмечено выше, мотивы для начала операции в крае фактически оставались не ясны.

Японская угроза и ситуация на Дальнем Востоке

В 1930-х годах особые опасения руководства Советского Союза были связаны с ситуацией на Дальнем Востоке. Сталин и его окружение не без оснований видели в агрессивной политике Японии угрозу безопасности СССР.

В 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию, где вскоре было создано марионеточное государство Маньчжоу-го, которое могло быть использовано как плацдарм для нападения на Советский Союз. На границе между Маньчжоу-го и Советским Союзом регулярно происходили столкновения, в которых принимали участие маньчжурские и японские военные. Японскими военными миссиями создавались сети шпионажа, вербовались советские граждане, русские иммигранты, представители национальностей оккупированных территорий. Для обмена данными об СССР Япония устанавливала контакты с третьими странами²⁴. Разведданные, получаемые советским руководством, также свидетельствовали о том, что ряд военных и политических деятелей Японии продолжали поддерживать планы нападения на Советский Союз²⁵.

25 ноября 1936 г. Япония подписала «Антикоминтерновский пакт», целью которого было сотрудничество с Германией «в деле обороны против коммунистической подрывной деятельности». Продолжали предприниматься и шаги, направленные на усиление японского влияния в Монголии и Синьцзяне²⁶.

В июле 1937 года японцы развернули масштабные военные действия в Китае. В конце июля были заняты Пекин и Тяньцзинь, осенью - Шанхай, и началось наступление на Нанкин, в то время столицу Китайской Республики. 13 декабря Нанкин пал. Но, несмотря на то, что японская армия достигла в Китае значительных военных успехов, сопротивление продолжалось. Китайские войска, опираясь, в том числе и на значительную помощь Советского Союза, вели упорную оборонительную войну, все больше изматывая противника.

Такая ситуация отчасти должна была устраивать Советский Союз, чье временное сотрудничество с правительством Чан Кайши носило прагматический характер: Япония все больше «увязала» в Китае, и, следовательно, вероятность ее агрессии против СССР значительно снижалась.

В конечном итоге, СССР отказался от поддержки Чан Кайши: помощь Китайской Республике стала разменной монетой для заключения советско-японского пакта о нейтралитете, который был подписан 13 апреля 1941 г в Москве²⁷.

Однако в 1937 году руководство СССР опасалось, что Япония может перенести свои агрессивные устремления и на север. Хотя подобные опасения не подтвердились, они отразилось на всех, в ком советское руководство было склонно видеть потенциальных пособников японцев. Дальневосточный край в связи со своим географическим положением также стал одним из эпицентров большой «чистки», которую в этом регионе возглавил новый начальник местного УНКВД Г.С. Люшков²⁸.

При его активном участии в крае не только осуществлялись операции против «антисоветских элементов» и «национальных контрреволюционных контингентов», но и «вскрывались» многочисленные «заговоры», в том числе в партийных организациях, в местном УНКВД, в армии и на флоте.

После того, как 21 августа, в день подписания советско-китайского договора о ненападении, вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о тотальной депортации с Дальнего Востока корейцев, Люшков возглавил и эту операцию. Высылка более чем 170 тыс. человек, целью которой было названо «пресечение проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край»²⁹, прошла в сжатые сроки и завершилась 25 октября 1937 г. Депортация корейцев проходила в сложных условиях и сопровождалась многочисленными проблемами и сбоями. Недостаточное время на сборы, месячный путь в железнодорожных вагонах (в основном корейцы были переселены в Казахстан и Узбекистан), недополучение обещанных компенсаций, льгот и кредитов, непривычный климат, проблемы с жильем, водой и питанием – все это стало тяжелым испытанием для дальневосточных корейцев. Люшков же, его подчиненные и транспортные работники были удостоены благодарности СНК СССР и ЦК ВКП(б) «за образцовое и четкое выполнение ответственного задания»³⁰.

В это же время под пристальным вниманием дальневосточных органов НКВД находились и китайцы. Замкнутая китайская община была питательной средой для криминальных элементов. Специфическими видами китайской преступности были содержание притонов и контрабанда – явления, распространенные в регионе, несмотря на меры по борьбе с криминалом и усилению границы.

В апреле 1936 года Политбюро ЦК ВКП(б) постановило начать операцию по ликвидации «Миллионки» - китайского квартала во Владивостоке, центра преступной жизни города. В декабре «Миллионка» была ликвидирована, однако, по сообщению приморского ОУ НКВД, в области еще оставалось большое количество бездокументных и неработающих китайцев³¹.

Представители китайской диаспоры вызывали подозрение как потенциальные агенты японских спецслужб³². Нелегальные нарушители границы – контрабандисты и перебежчики арестовывались по подозрению в шпионаже, что с октября 1937 года начало регулироваться оперативным приказом НКВД № 00693. Приказ предусматривал арест всех перебежчиков,

«независимо от мотивов и обстоятельств перехода на нашу территорию». Разоблаченные как иностранные агенты должны были передаваться суду Военной Коллегии или военных трибуналов; «всех остальных перебежчиков, подозреваемых как агентов иностранных разведок и оставшихся не разоблаченными», предполагалось через Особое совещание приговаривать к лагерным или тюремным срокам³³.

Патриоты или провокаторы

Уже сама логика репрессивной политики в отношении «инонациональностей» предполагала, что жертвой очередной операции могут стать китайцы. В обстоятельствах, когда достаточными причинами проведения широкомасштабных акций против целых диаспор были лишь общие подозрения в связях с внешними врагами и грубо сфальсифицированные «факты», внимание НКВД к китайцам как потенциальным агентам японских спецслужб, несомненно, включало представителей этой диаспоры в группу риска. Однако варианты реализации угрозы могли быть различными: от депортации (наподобие депортации корейцев) до полномасштабной «альбомной» операции. В конечном счете в отношении китайской общины были применены различные виды репрессий: и «альбомная» операция по всему Советскому Союзу, и депортация из приграничных районов, но начались они с массовых арестов в Дальневосточном крае.

В конце 1937 года необходимый для этого фон был подготовлен продолжающими поступать из краевого УНКВД материалами на китайцев, якобы завербованных японцами³⁴. Поводом же для проведения операции стал рост среди китайцев антияпонских настроений.

По мере развития боевых действий в Китае подобные настроения в китайской общине резко радикализировались. В последней декаде декабря 1937 года руководство дальневосточного УНКВД направило в Москву сообщения об увеличившемся количестве нападков и угроз по отношению к японцам, но эти выступления были интерпретированы в своеобразном ключе: они были объявлены провокациями, целью которых являлось развязывание японско-советской войны.

Судя по всему, первое такое сообщение было отправлено по прямому проводу заместителем начальника УНКВД по Дальневосточному краю М.А. Каганом наркому Ежову 22 декабря или накануне³⁵. В нем говорилось:

«Из Владивостока получены данные о ряде фактов готовящихся провокаций китайских подданных против японского консульства. Есть случаи угроз террористического порядка.

Нами установлено, что это, очевидно, работа японских агентов. Один из сотрудников японского консульства, говоря о близости войны с СССР, заявил, что поводом для начала войны будет малейший инцидент во Владивостоке.

Владивостоку приказано усилить охрану всех сотрудников японского консульства.

Люшков из Комсомольска выехал в Хабаровск, мне он приказал с оперативной группой немедленно выехать во Владивосток.

Прошу разрешить провокаторов из числа китайских подданных, высказывающих террористические настроения или проявляющих намерения, немедленно арестовывать.

Подробности сообщу дополнительно.

Каган»³⁶.

Вскоре последовали и подробности, в телеграмме № 11716, 11717, 11718 от 22 декабря докладывалось:

«В последнее время китайское консульство в крае ведет активную антияпонскую работу среди китайского населения. В помещении консульства проводятся беседы о положении в Китае, сборы денежных пожертвований. Особенно активно действует китайское консульство во Владивостоке, где систематически на беседу собирается до 300 человек; организовано бойкотируют японское консульство (водовозы отказались возить воду, стекольщики отказались работать, торговцы отказались продавать). Имели место следующие инциденты: группа китайцев на улице оплевала машину японского консульства и обругала шофера. На колхозном базаре группа китайцев набросилась на продавца, у которого покупали японцы, с криками «ты японский шпион, мы тебя передадим Советским властям», а японец заявил: «Если бы мы были не на Советской территории, то тебя убили». На том же базаре китайцы окружили машину японского консульства, в которой находился русский шофер, японец и японка, стали угрожать кулаками, заявляя шоферу: «Сейчас мы с русскими братьями, а ты помогаешь японцам, ты бандит и японский шпион». Шофер и японцы вынуждены были уехать, не сделав покупок. В одной парикмахерской китаец-парикмахер отказался брить японца и после его ухода заявил: «Если бы это было в Китае, я бы ему перерезал глотку, но в Советском Союзе этого сделать нельзя».

Зафиксирован ряд фактов прямо настоящего провокационного характера: официант ресторана, китподданный³⁷ *Люй-Ши-Цай*, белый офицер нашему агенту заявил, что если представится удобный случай при встрече с японцами на улице, он их изобьет или убьет. Китподданный *Ван-Зун-Хе* предложил водовозу японского консульства – китайцу *Ян-Хун-Сю* прекратить работу, предупредив его, что вода доставляемая в консульство может оказаться отравленной, и ответственность падает на него. Зафиксировано несколько других разговоров о возможности нападения на японцев. Одновременно агентура японского консульства во Владивостоке донесла, что секретарь консульства Маедо³⁸ заявил: «Взятие Нанкина освобождает японские войска, которые будут переброшены в Советский Союз». Поводом для начала войны будет малейший инцидент во Владивостоке. Маедо

говорил агенту о притеснении японцев со стороны местных властей, об антияпонских настроениях китайцев во Владивостоке, заявив: «Мы, японцы, этого не потерпим». Очевидно, что разговоры об убийстве и отравлении японцев во Владивостоке инспирируются японской агентурой среди китайцев и являются чистой японской провокацией. Владивостоку приказано усилить охрану всех сотрудников японского консульства, через китайских агентов выявлять инициаторов провокационных выступлений, искать организационные связи на японцев [...]»³⁹.

В конце телеграммы снова сообщалось, что Люшков должен вернуться в Хабаровск, а Кагану он приказал отправиться во Владивосток для проведения расследования. Повторялся и запрос на аресты китайцев, что позволяет предположить, что санкция еще не была получена.

В ответ на эти сигналы в тот же день, 22 декабря, Ежов и отправил распоряжение об аресте «всех китайцев, независимо от их подданства, проявляющих провокационные действия или террористические намерения», а вслед за этим, 23 декабря, указание о закрытии притонов, которые рассматривались в том числе и как рассадники шпионажа⁴⁰.

При знакомстве с первыми сообщениями Кагана можно обратить внимание на то, что единственным фактом, говорящим о возможности целенаправленной провокации для развязывания войны между Японией и СССР, были слова секретаря консульства, зафиксированные неким агентом. Тем не менее, стоит отметить, что падение Нанкина на практике вовсе не означало полного разгрома китайских сил, которые продолжали оказывать сопротивление японцам. Можно предположить, что если информация агента и соответствовала действительности, она была выражением частного мнения служащего консульства.

Зато все другие данные в сообщениях Кагана легко объясняются естественным патриотическим подъемом среди китайцев. Нет ничего удивительного ни в разъяснительных беседах в китайском консульстве, ни в бойкоте японцев и отказе их обслуживать. В конце концов, не являются удивительными и брань, которой простые китайцы встречали японцев, и даже угрозы расправы. Учитывая жестокие бои в Китае и большое количество жертв среди мирного населения (в числе которых могли оказаться и родственники уехавших в СССР), реакция китайской общины в Дальневосточном крае вполне укладывается в обычную логику народного возмущения против представителей государства-агрессора.

Также стоит упомянуть, что китайские консульства получили разрешение проводить среди своих граждан подписку на «Заем обороны» и собирать средства для помощи армии после того, как 17 декабря соответствующее решение приняло Политбюро ЦК ВКП(б)⁴¹. Консульство во Владивостоке просто воспользовалось предоставленным ему правом.

Таким образом, акцентируемые в сообщениях из Хабаровска и ставшие поводом для начала кампании против китайцев в Дальневосточном крае

«провокационные действия» и «террористические намерения», по большому счету, сводились к угрозам представителей китайской диаспоры в адрес японцев, отдельным нападениям (без причинения серьезной угрозы жизни) и бойкоту. Эти действия были обусловлены событиями активной фазы японо-китайской войны, и попытка без достаточных доказательств интерпретировать их в качестве провокации впечатляет своей фантазийной составляющей.

Следствие подтверждает японский след

Очевидно, руководство Дальневосточного УНКВД также осознавало, что для формирования правдоподобного дела нужно нечто большее. И необходимые «свидетельства» вскоре были получены.

Люшков имел богатый опыт фальсификаций, который им был получен, в том числе и во время работы в составе бригады по расследованию убийства Кирова, и во время подготовки процесса по делу «антисоветского троцкистско-зиновьевского центра». Ко времени его руководства УНКВД Дальневосточного края относится свидетельство заместителя начальника Особого отдела ОКДВА Л. М. Хорошилкина о том, как под руководством Люшкова раздувалось дело зампреда крайисполкома М.П. Вольского. После того как Вольский, обвиненный в работе на японцев из-за несвоевременной подачи эшелонов для депортации корейцев, дал признательные показания, Люшков собственноручно добавил к ним фамилию начальника железной дороги Ф.С. Друскиса и более подробно расписал связи с японцами. А на следующий день Хорошилкин вообще не узнал переделанный другим следователем окончательный протокол – в нем в качестве шпионов и заговорщиков фигурировали сотни лиц, многие из которых были ему совершенно незнакомы⁴².

Если же учитывать, что к концу 1937 г. применение методов физического воздействия (не говоря уж о психологическом воздействии и обмане) было обычной практикой, причем, санкционированной высшим партийным руководством⁴³, то следователи имели возможность получать любые результаты, которые им требовались, включая самые невероятные.

В результате работы следственной группы дело о японских агентах-провокаторах из числа китайцев было практически сформировано. В нем наличествовали все необходимые для этого элементы: связь с японскими разведывательными структурами, тайные организации, террористически настроенные лица и цель - спровоцировать войну между Японией и СССР.

В донесениях, отправленных Люшковым с 27 по 30 декабря из Хабаровска в Москву, говорилось об арестах и розыске десятков китайцев, среди которых были разнорабочие, кустари, торговцы, артисты, официанты, контрабандисты.

По словам начальника УНКВД, следствием была «установлена работа японской агентуры в подготовке провокации террористических актов в

отношении японского консульства»⁴⁴. Для этого из-за границы были переброшены китайские агенты-террористы, снабженные пистолетами. Помимо вариантов с использованием огнестрельного оружия были «зафиксированы» и другие, якобы озвученные подозреваемыми планы покушений на японцев: от избиения до использования ядов⁴⁵.

Некоторые агенты, как следовало из донесений, получили задание нагнетать настроения среди членов китайской общины. Так, от некоего *Ци-Юн-Мина* потребовали «организовать демонстрацию против японского консульства, разбив там окна, наносить оскорбления японцам, объявить бойкот, [...] при подходящей обстановке убить кого-либо из членов японского консульства»⁴⁶.

Люшков сообщал, что важное организационное начало «в целях успешного выполнения задания японцев на Советской территории» играют тайные китайские общества и братства⁴⁷. Причем «обрабатывали членов братства на вооруженную борьбу с японцами» и связанные с тайными организациями сотрудники китайского консульства из числа обслуживающего персонала⁴⁸.

Помимо китайцев были получены показания о работе на японскую разведку фельдшера М.А. Проценко. Он был вынужден признаться, что являлся монархистом, «японофилом и с 1921 года японским шпионом». «Имел диверсионные задания по взрыву водопровода», а в начале 1937 г. получил задание «подготовить и осуществить убийство японского консула во Владивостоке». Также он озвучил слова, якобы сказанные резидентом японской разведки: «стоит пожертвовать жизнью видного японца для начала войны Японии с СССР»⁴⁹.

Арестованный бывший начальник спецсектора облоно П.Н. Зенин также сообщил, что японский резидент, якобы «говоря о предстоящей войне Японии с СССР, заявил, что после оккупации Нанкина для этого достаточно будет помощи лишь одного русского человека, который согласился бы совершить покушение на кого-либо из представителей японского консульства во Владивостоке»⁵⁰.

Стоит отметить, что если упоминаемые в телеграмме от 22 декабря слова секретаря японского консульства о якобы возможной провокации для развязывания японско-советской войны еще похожи на правду (пусть даже и в качестве выражения личного мнения сотрудника консульства), то в телеграммах 27-30 декабря эта информация выглядит слишком искусственно. Крайне сомнительно, что кадровые разведчики стали бы откровенно посвящать рядовых исполнителей в истинные задачи операции. В реальных обстоятельствах это могло бы произойти разве что с целью дезинформации.

Очевидно, что неоднократное повторение в последних докладах из края этой информации, причем минимум трижды с прямой отсылкой к словам японских разведчиков⁵¹, было не просто небрежностью фальсификаторов. Хорошо чувствующавший настроение руководства Люшков понимал, что для глав НКВД и партии именно эта тема является наиболее важной. Даже чисто

теоретическое уменьшение риска вероятности войны с Японией должно было полностью оправдать массовую операцию против китайцев в Дальневосточном крае⁵².

К концу декабря по этому делу проходило уже около ста китайцев. На 30 декабря было арестовано несколько десятков человек, признательные показания о причастности к подготовке террористических актов в отношении японцев были получены от шестнадцати⁵³. Предполагалось арестовать еще несколько десятков, в частности, только по показаниям *Ци-Юй-Мина* и *Сюй-Фа*, шестьдесят человек⁵⁴.

Массовости же операции на Дальнем Востоке придали аресты во время ликвидации притонов. Эта операция была проведена в ночь с 29 на 30 декабря. В отправленной в Москву телеграмме с предварительными данными говорилось, что «по Хабаровску, Владивостоку, Благовещенску и Ворошилову ликвидировано свыше 300 притонов и арестовано более 1600 человек»⁵⁵. Посетители притонов употребляли наркотики и играли в азартные игры. Были изъяты наркотические вещества (опиум, морфий, кокаин), принадлежности для курения, иностранная валюта и 130 000 рублей. Среди посетителей было «арестовано 23 лагерника, а также большое количество бездокументных китайцев»⁵⁶.

Специально упоминалось, что один из закрытых притонов Хабаровска служил местом укрытия китайскому контрабандисту, арестованному ранее органами НКВД по обвинению в шпионаже. В помещении этого притона было найдено 30 экземпляров посвященной годовщине ВЧК-ОГПУ-НКВД газеты «Тихоокеанская звезда», «очевидно предназначенной для отправки за кордон»⁵⁷. Это было еще одним подтверждением тому, что китайская преступность в крае находится в непосредственной связи с японским шпионажем.

Получив накануне разрешение из центра, 31 декабря 1937 года Люшков выехал в Москву⁵⁸. В столице он как недавно избранный депутат от Дальневосточного края участвовал в сессии Верховного совета СССР (12-19 января 1938 г.) и в прошедшем чуть позже (24–25 января) совещании руководящего состава НКВД. Докладывая Ежову о ситуации в крае, Люшков, вероятно, сообщал и подробности операции против китайцев.

Развертывание «китайской операции»

Хотя ряд событий начала 1938 г, включая решение январского пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по улучшению этих недостатков», свидетельствуют о некоторой вероятности того, что Сталин мог планировать снижение уровня репрессий в стране⁵⁹, в 1938 году массовые операции продолжились с новой силой. Согласно показаниям А.А. Наседкина, на

совещании руководящего состава НКВД Ежов, не забыв упомянуть о случившихся перегибах, одобрил действия тех начальников УНКВД, которые приводили «астрономические» цифры репрессированных. Среди отличившихся был и Люшков, доложивший о 70 тысячах арестованных на Дальнем востоке⁶⁰.

В заключительном выступлении на совещании нарком внутренних дел высказал уверенность в том, что обе массовые операции – «кулацкая» и «национальная» – будут продолжены⁶¹.

Действительно, 31 января 1938 года соответствующие постановления были приняты на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Пункт 48 протокола № 57 утверждал для ряда регионов дополнительные лимиты по репрессированию «антисоветских элементов» и продлял операцию до 15 марта (в Дальневосточном крае до 1 апреля 1938 г.). В пункте 49 фиксировалось решение о продлении операций по национальным «шпионско-диверсионным контингентам»⁶².

Также было принято новое постановление о перебежчиках (пункт 50 протокола)⁶³, а на следующий день, 1 февраля, постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о запретной пограничной зоне и пограничном режиме в районе границы СССР с Японией, Кореей, Маньчжурией и Монголией (п. 61 протокола и приложение)⁶⁴.

В решении о продлении национальных операций были упомянуты и китайцы. В нем говорилось:

«1. Разрешить Наркомвнуделу продолжить до 15 апреля 1938 года операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финн, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранно-подданных, так и советских граждан, согласно существующих приказов НКВД СССР.

2. Оставить до 15 апреля существующий внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных по этим операциям людей, вне зависимости от их подданства.

3. Предложить НКВД СССР провести до 15 апреля аналогичную операцию и погромить кадры болгар и македонцев, как иностранных подданных, так и граждан СССР»⁶⁵.

На следующий день, 1 февраля, Ежов подписал соответствующую директиву, разосланную под № 233:

«Всем наркомам внудел республик, начальникам УНКВД, начальникам ДТО ГУГБ НКВД и начальникам 3, 4, 5, 6 и 11 отделов ГУГБ НКВД.

1. Ввиду запросов мест разъясняю — операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, харбинцев, латышей, греков, иранцев, как иностранных подданных, так и

советских граждан, продолжить до 15 апреля 1938 года, согласно моих приказов 00485, 00593, 49990, 50215 - 1937 год и № 202 - 1938 года.

2. Одновременно начать аналогичную операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из финнов, эстонцев, румын, китайцев, болгар, македонцев, как иностранных подданных, так и советских граждан. Также подвергните аресту всех подозреваемых [в] шпионской, диверсионной и иной антисоветской деятельности немцев, состоящих [в] советском гражданстве, применительно [к] категориям, перечисленным [в] моем приказе 00485.

Операцию по этим категориям закончить 15 апреля 1938 года.

3. До 15 апреля 1938 года сохранить установленный моим приказом 00485 внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных по всем этим операциям лиц, вне зависимости от их подданства.

4. При проведении операции обратить особое внимание на выявление и изъятие всех перебежчиков, независимо от страны и времени прибытия в СССР, а также политэмигрантов и всех связанных [с] иностранными миссиями, посольствами, консульствами, концессиями и иными иностранными учреждениями.

5. О ходе операций доносить пятидневными сводками сообщением количества арестованных и наиболее существенных материалов следствия.

Ежов»⁶⁶

В связи с тенденцией перенесения в 1938 году акцента на операции «по национальным контингентам» появление в этом списке китайцев, как и расширение самого списка, не вызывает удивления.

Очевидно, триггером для включения в этот перечень китайцев послужили описанные выше события в Дальневосточном крае. Документы, имеющиеся в настоящее время в распоряжении исследователей, свидетельствуют, что на конец 1937 – начало 1938 это было самое масштабное мероприятие, проводимое в СССР в отношении китайской диаспоры⁶⁷. После отъезда Люшкова в Москву следствие продолжило свою работу, и поток донесений о китайцах не иссякал. Его исправно пополнял заместитель Люшкова Каган.

Так, 3 января он передал в центр жалобы японцев на невозможность из-за бойкота покупать продукты на базаре и на случай нападения на ребенка гувернантки японского консула (китаец, работавший на строительстве водопровода, пробравшись во двор консульства, ударил молотком дочь русской гувернантки, в то время как сын консула успел убежать). Каган же поставил под сомнение реальность факта нападения, заявив, что проверка показала отсутствие китайцев среди рабочих на постройке водопровода, а

также то, что гувернантка в указанный день из здания консульства вообще не выходила. Из этого замначльника УНКВД делал вывод, что «японское консульство прибегает к вымыслу для сокрытия роли японцев в провокациях», которые были «выявлены» во Владивостоке⁶⁸.

Можно также отметить, что именно в донесениях начала 1938 года линии расследования по провокаторам-диверсантам и по притонам окончательно были сведены в одну. В телеграммах от 6-го и 9-го января указывалось на многочисленные «факты» того, что китайцы-содержатели притонов являлись японскими шпионами. Они обвинялись в сборе информации о военных частях и аэродромах, нефтебазах и оборонных заводах, передвижении войск и инфраструктуре, в выявлении секретной агентуры НКВД⁶⁹. Также было «вскрыто широкое использование шпионами-притоносодержателями проституток, особенно в районе располагаемых гарнизонов»⁷⁰.

Таким образом, из представленных материалов вырисовывалась картина, подтверждающая «специальное насаждение японской разведкой притонов в местах расположения крупных гарнизонов, в укрепрайонах и вблизи расположения крупных гарнизонов, в укрепрайонах и вблизи оборонных заводов – в целях шпионажа»⁷¹.

Притоны, согласно сообщениям Кагана, служили явками и местом укрытия для контрабандистов и японских агентов. Часть китайцев, арестованных в притонах, признались в участии в подготовке терактов, в том числе и против японских граждан. Среди посетителей и притоносодержателей были выявлены и члены тайных китайских обществ, которые, как отмечалось выше, связывались НКВД с японской разведкой⁷².

Помимо наркотиков, принадлежностей для курения, игральные карты, советской и зарубежной валюты отдельно упоминалось изъятие у содержателя одного из притонов палочки черной китайской туши. Она была направлена на исследование «ввиду того, что установлено применение японской разведкой сильнодействующих средств бактериологической диверсии, изготовляемых под видом туши»⁷³.

Почти все упоминаемые в данной статье сообщения Дальневосточного УНКВД вскоре после получения их Ежовым ложились на стол Сталину и Молотову⁷⁴. А копия сообщения из Хабаровска от 22 декабря, пересланная через несколько дней тем же адресатам, имела пометку об отданных наркомом распоряжениях об арестах и закрытии притонов. То есть, санкционируя развертывание «китайской национальной» операции в масштабах страны, высшее руководство ВКП(б) было во всех подробностях осведомлено о событиях в дальневосточном регионе.

С другой стороны, с большой долей вероятности можно утверждать, что события на Дальнем Востоке сами по себе воспринимались как частный случай «национальной» операции в отдельном крае. Об этом свидетельствует и сравнение текста решения Политбюро от 31 января с шифротелеграммой

Ежова от 1 февраля 1938 г. В постановлении Политбюро к национальностям, чьи кадры надо «погромить» в ходе новых операций, относятся только болгары и македонцы, а китайская операция фигурирует среди продолжающихся. Телеграммой же Ежова продлялись операции по полякам, харбинцам, латышам, грекам и иранцам, а начать аналогичные операции приказывалось в отношении финнов, эстонцев, румын, китайцев, болгар, македонцев, а также советских немцев. То есть в протоколе решений Политбюро китайская операция позиционировалась как уже осуществляющаяся национальная операция с внесудебным порядком рассмотрения дел арестованных, а в директиве наркома внутренних дел как еще не начатая.

Судя по всему, это говорит о том, что и руководство НКВД и партийная верхушка воспринимали происходящее в ДВК как уже осуществляющуюся операцию по «национальным контрреволюционным элементам». Но, во-первых, директивы Ежова от 22 и 23 декабря 1937 г. носили лишь локальное значение и для того, чтобы операция приняла всесоюзный масштаб, требовалось распоряжение, оповещающее о ее начале всех глав наркоматов союзных республик и управлений НКВД. Во-вторых, включение операции против китайцев в общую группу «национальных» операций позволяло упорядочить и такие важные формальные вопросы, как определение срока проведения операции и порядок рассмотрения дел – с начала февраля 1938 года он официально стал «альбомным» и для китайцев.

Таким образом, установление причин появления директив наркома внутренних дел от 22 и 23 декабря 1937 года не только позволяет заполнить существовавший пробел в истории репрессий против китайцев в период «большого террора», но также демонстрирует один из возможных механизмов инициирования подобной операции.

В данном случае этот механизм во многом был запущен «снизу», благодаря инициативе руководителей Дальневосточного УНКВД Г.С. Люшкова и М.А. Кагана, имевших большой опыт фальсификации дел. Воспользовавшись стремлением руководства страны во что бы то ни стало избежать войны с Японией, Люшков и Каган сфокусировали внимание наркома внутренних дел Ежова на вымышленном источнике угрозы безопасности СССР. Антияпонское возмущение китайской общины, обусловленное острой фазой развития японо-китайской войны, было интерпретировано ими как контролируемая японскими спецслужбами провокация. Конкретные случаи проявления этого возмущения: бойкот, нападки и угрозы были названы «провокационными действиями» и «террористическими намерениями», предпринимаемыми с целью создания повода для японо-советского конфликта.

Тем не менее, очевидно, что санкция на проведение в Дальневосточном крае операции стала возможной только в результате уверенности наркома в

том, что эта акция будет одобрена высшим партийным руководством. То, что сообщение из Хабаровска от 22 декабря с пометкой о данных Ежовым распоряжениях было переслано Сталину и Молотову только через несколько дней не свидетельствует о самостоятельности наркома в принятии подобных решений. С одной стороны, в эти дни Ежов минимум один раз виделся со Сталиным⁷⁵, во-вторых, он был прекрасно осведомлен, какие методы партийное руководство предпочитает использовать для ликвидации даже теоретической вероятности втягивания СССР в войну. Регулярная пересылка сообщений о ходе операции в Дальневосточном крае также представляла собой вид отчетности, через которую операция могла контролироваться лично Сталиным.

После принятия решения Политбюро ЦК ВКП(б) о продлении национальных операций с начала февраля 1938 г. китайцы формально оказались в общем списке «инонациональностей», дела по которым рассматривались в «альбомном» порядке по образцу оперативного приказа НКВД № 00485. С большой долей вероятности можно утверждать, что занесение представителей китайской диаспоры в СССР в этот список стало результатом развертывания операции в Дальневосточном крае, которая уже сама по себе могла восприниматься как локальная национальная операция.

¹ См., например: Сотникова И.Н. Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937-1945 гг. - Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. М. 2012, с. 37-46.

² Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М. 2010, с. 288.

³ Там же, с. 142-143.

⁴ Kuromiya H. Stalin's Great Terror and International Espionage. – The Journal of Slavic Military Studies. 24(2) (2011), p. 242.

⁵ Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936 - 1938 гг. М. 2009, с. 265-266.

⁶ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938. М. 2004, с. 273.

⁷ См., например: Петров Н.В., Янсен М. «Сталинский питомец» - Николай Ежов. М. 2008, с. 105; ХАУСТОВ В.Н., Самуэльсон Л. Ук. соч., с. 268-271.

⁸ Лубянка. 1937—1938., с. 271.

⁹ Там же, с. 272.

¹⁰ Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937—1938 гг. – Репрессии против поляков и польских граждан. М. 1997, с. 22-24.

¹¹ Петров Н.В., Янсен М. Ук. соч., с. 111-113.

¹² Петров Н.В., Рогинский А.Б. Ук. соч., с. 28-29.

¹³ На практике «альбомы» часто утверждались членами комиссии без должного ознакомления. Обычной практикой было и перепоручение рассмотрение их лицам, не входящим в комиссию. (Там же, с. 29.)

¹⁴ Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Ук. соч., с. 137, 228.

¹⁵ Там же. с. 290.

¹⁶ Петров Н.В., Рогинский А.Б. Ук. соч., с. 31-32.

¹⁷ Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ), ф. 3, оп. 5, д. 2, л. 62-63.

¹⁸ Согласно переписи населения 1937 года, из 38527 проживающих в СССР китайцев 24589 приходилось на Дальневосточный край. См.: Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М. 2007, с. 87, 106.

¹⁹ Сталинские депортации. 1928-1953. М, 2005. Сборник вышел в серии «Россия. XX век. Документы», составители: Поболь Н.Л. и Полян. П.М.

²⁰ Сталинские депортации. с. 101.

²¹ Там же, с. 102.

²² Там же, с. 98-99.

- ²³ См., например: Бугай Н.Ф. Китайцы в СССР и России: политика двух стандартов (1920-1940-е годы) – Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 8, №1/2, 2016, с. 59; Дацышен В.Г. Политические репрессии и китайцы в СССР – Сибирская ссылка. Иркутск. 2009, с. 492; Залесская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917-1938 гг.). Владивосток. 2009, с. 286; Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920-1950-е гг. Владивосток. 2011, с.258, 259. и др.
- ²⁴ ЗАЛЕССКАЯ О.В. Ук. соч., с. 285; Шинин О.В. Проведение органами безопасности активных мероприятий в 1922-1941 годах (на материалах Дальневосточного региона) – Проблемы Дальнего Востока, 2006 № 4, с. 153-155; Чернолуцкая Е.Н. Ук. соч., с. 217-218; Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Ук. соч., с. 32-33, 35.
- ²⁵ Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Ук. соч., с. 32.
- ²⁶ См. Kuromiya H. Stalin's Great Terror and the Asian Nexus – Europe-Asia Studies. 66 (5) (July 2014), p. 775-793.
- ²⁷ См.: Сотникова И.Н. Ук. соч., с. 47-48.
- ²⁸ Люшков возглавлял УНКВД Дальневосточного края с 31 июля 1937 г. вплоть до своего побега из СССР 13 июня 1938 г. (Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934-1941: Справочник. М. 1999, с. 281.)
- ²⁹ Сталинские депортации., с. 83.
- ³⁰ Чернолуцкая Е.Н. Ук. соч., с. 228-232.
- ³¹ Там же, с. 256.
- ³² Например, среди осужденных только Военным трибуналом ОКДВА за шпионаж в 1935 г. было 10 китайцев, а в 1936 г. – 22. (Зайцев Ю.М. Контрразведывательные мероприятия по защите объектов военной инфраструктуры на Дальнем Востоке СССР (1930-е гг.) – Россия и АТР. № 2, 2008, с. 129.
- ³³ ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 5, д. 2, л. 34-37.
- ³⁴ Например, 18 декабря, из Хабаровска в Москву были направлены протоколы допросов 6 китайцев, признавших, что переброшены на территорию СССР как японские шпионы. (ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 262).
- ³⁵ В отложившейся в ЦА ФСБ копии отсутствует дата. Уточняющая телеграмма была отправлена из Дальневосточного УНКВД 22 декабря 1937.
- ³⁶ ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 256. Документы публикуются и цитируются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Коррекцию может быть подвергнуто использование прописных букв. Китайские имена, иероглифическое написание которых не известно, выделены курсивом и воспроизведены по оригиналу.
- ³⁷ Т.е. «подданный Китая»
- ³⁸ Вероятно, правильно Маэда.
- ³⁹ ЦА ФСБ. ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 200-202.
- ⁴⁰ В сопроводительной заметке к копии телеграммы Кагана № 11716, 11717, 11718, которую Ежов 26 декабря переслал Сталину и Молотову говорилось: «В целях пресечения шпионской и иной контрреволюционной деятельности в ДВК приказал приступить немедленно к ликвидации китайских и др. притоков на территории края» (ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 199).
- ⁴¹ ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. V. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 – май 1943. М. 2007, с. 78-79.
- ⁴² Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Ук. соч., с. 95, 301-302.
- ⁴³ Петров Н.В., Янсен М. Ук. соч., с. 127-128.
- ⁴⁴ ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 861, л.238.
- ⁴⁵ Там же, л. 238-241.
- ⁴⁶ Там же, л. 239-240.
- ⁴⁷ Там же, л. 239, 260.
- ⁴⁸ Там же, л. 240.
- ⁴⁹ Там же, л. 241
- ⁵⁰ Там же, л. 241-242.
- ⁵¹ В сообщениях, согласно показаниям китайца *Ци-Юн-Мина* и двух советских граждан – Проценко и Зенина (ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 239-242).
- ⁵² Добавим, что мотив убийства японского консула был использован уже не в первый раз. Например, всего за месяц до этого он присутствовал в материалах так называемой «корейской повстанческой организации». В частности, 28 ноября 1937 г. майор РККА, кореец Тен-хи-ше якобы признался, что помимо сорвавшегося задания по убийству Блюхера в 1933 году, он получал от японцев задание предоставить оружие для покушения на японского консула. Цель у убийства, которое должно было произойти во время первомайской демонстрации, была все та же - развязывание войны между Японией и СССР (ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 224-225).

⁵³ В телеграмме от 29 декабря говорилось, что «в результате следствия по Владивостоку уже признались 11 человек прямо причастных к террору ...» (ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 260), а 30 декабря сообщалось, что «Владивостоку из числа арестованных китайцев причастных к подготовке террористических актов в отношении японского консульства, созналось еще пять человек» (ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 308).

⁵⁴ Там же, л. 240.

⁵⁵ Там же, л. 311.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 236.

⁵⁹ Хлевнюк О.В. Ук. соч., с. 317-318.

⁶⁰ Петров Н.В., Янсен М. Ук. соч., с. 146.

⁶¹ Там же.

⁶² Лубянка. 1937—1938., с. 467-469.

⁶³ Лубянка. 1937—1938., с. 469.

⁶⁴ РГАСПИ, ф.17, оп. 162, д. 22, л. 115, 121-123; с сокращениями: Лубянка. 1937—1938., с. 469-470.

⁶⁵ Цит. по: Лубянка. 1937—1938., с. 468-469.

⁶⁶ ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 5, д. 2, л. 62-63.

Копия данной телеграммы, разосланной 2 февраля 1938 г. наркомом внутренних дел Украинской ССР А.И. Успенским в областные управления НКВД УССР (ОГА СБУ, ф. 16, оп. 31 (1951 г.), д. 59. л. 46-47.), была опубликована в: «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937-1941 гг. Т. 2: 1938 г. М. 2010, с. 30-31.

⁶⁷ Необходимо отметить, что в других регионах страны также были отмечены случаи арестов китайцев по подозрению в шпионаже в пользу Японии, а также аресты по приказу № 00447. Кроме того в 1937 году НКВД также вновь активно взялся за бывших китайских учащихся коммунистических учебных заведений. Этому способствовало как их прошлое (ранее часть из них уже понесла наказание как троцкисты), так и продолжающаяся жестокая борьба за власть среди воспитанников этих заведений (в которой активно использовались самые «грязные» методы). В результате многие были репрессированы: помещены в лагеря или расстреляны (см., например: Спичак Д.А. Китайский авангард Кремля. Революционеры Китая в московских школах Коминтерна (1921-1939). М. 2012, с. 175-190).

⁶⁸ ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 5, д. 31, л. 323-324.

⁶⁹ Там же, л. 186, 187, 220-223.

⁷⁰ Там же, л. 221.

⁷¹ Там же, л. 220.

⁷² Там же, л. 222-223.

⁷³ Там же, л. 190.

⁷⁴ Используемые в данной статье донесения взяты из копий исходящих сообщений Ежова Сталину и Молотову. Только на одном из этих сообщений, содержащем копию сообщения Кагана по прямому проводу (предположительно 21 или 22 декабря 1937 г.), отсутствует исходящий номер. Возможно, оно было подготовлено, но не отправлено в связи с появлением более подробной информации в телеграмме от 22 декабря (№ 11716, 11717, 11718), которая и была переслана высшему руководству ВКП(б).

⁷⁵ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924-1953 гг.). Справочник. М. 2008, с. 227-228.